

УДК 821.161.1-31

А.Т. Аблаева

«ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ, ТАТАРСКАЯ»: КРЫМСКОТАТАРСКИЙ МИР В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЁВА

В представленной статье выявлены средства и способы репрезентации крымскотатарского мира в произведениях крымского цикла И. Шмелёва. Этот мир проанализирован сквозь призму имагологической оппозиции *своё – чужое*. В романах И. Шмелева Крым не романтизирован, как это было у большинства писателей XIX-начала XX вв. Он воспринят изнутри, через личную трагедию. На характер изображения крымскотатарского мира повлияло не только знакомство И. Шмелева с культурой и историей крымских татар, но и его христианское мировосприятие с присущей последнему толерантностью к другим народам.

Ключевые слова: поэтика, художественная картина мира, крымскотатарский мир, И. Шмелёв, имагология, *своё – чужое*.

Исследователи творчества И. Шмелёва уверены, что художественное освоение писателем Крыма было неслучайным: «Это был закономерный процесс, вызванный уже складывающейся литературно-художественной тенденцией ухода от напора цивилизации и освоения экзотического пространства» [2. С. 126].

В одном из писем к О. Бредиус-Субботиной И. Шмелёв признавался, что хотел «<...> пережить Крым через призму таких глобальных явлений, как 12-томная энциклопедия Крыма, история крымских татар и т. д». «<...> Чтобы писать это, я проглядел десяток томов «Энциклопедии Крыма», изучал Коран и татарский фольклор <...> мало было видеть Крым: я прочитал 12-томную Энциклопедию Крыма (все о нем и татарах)» (цит. по [3. С. 200]).

Предметом исследования в данной работе является крымскотатарский мир, являющийся частью художественной картины мира И. Шмелёва, эксплицированный в совокупности поэтологических категорий (художественная картина мира, система образов, сюжет, пейзаж).

Исследователи творчества писателя затрагивали тему полиэтничности, отраженную в его произведениях. Так, И.М. Богоявленская [1], анализируя литературную сказку «Голос Зари», определила, что в этом произведении писатель попытался выразить «духовное существо» другой религии (ислама), другой культуры (крымскотатарской), следуя мысли известного философа Владимира Соловьёва о том, что христианство прошло путь от неприятия мусульманства к признанию его. В.Д. Наривская на материале переписки И. Шмелёва с О. Бредиус-Субботиной [2; 3] выяснила, что писатель тщательно готовил себя к жизни в Крыму. О крымскотатарской теме в творчестве И. Шмелёва впервые заговорила А.М. Эмирова [8]. По её мнению, в эпопее «Солнце мёртвых» крымскотатарский и русский миры сливаются воедино на божественно-духовном уровне.

Цель исследования заключается в совокупном анализе крымскотатарского мира, отраженного в творчестве И. Шмелёва. Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) проследить процесс формирования образа Крыма в художественной картине мира И. Шмелёва;
- 2) рассмотреть особенности изображения крымскотатарского мира, способы его репрезентации в преломлении имагологической оппозиции *своё – чужое*;
- 3) определить авторское отношение к изображённому крымскотатарскому миру.

Как известно, в Крыму И. Шмелёв пережил все ужасы гражданской войны, «красного террора» и голода 1921 г. Страшные картины большевистского произвола представлены в его романе «Солнце мёртвых». «Писатель изобразил Крым как место Апокалипсиса – конца русской истории и истории мира, пропустив крымскую картину мира «через призму «изменённых» состояний сознания» и разрушив традиционные представления о Крыме как пространстве гармонии и свободы» [3. С. 128].

«Солнце мёртвых» – многоплановая сквозная метафора: это холодное солнце Крыма 1921 г. «Оно мертво для всех: и для людей, и для животных, и для растений. Оно равно мертво освещает два мира – русский и татарский, которые, пересекаясь, не сливаются на житейском уровне. Оба мира – русский и татарский – равно трагичны: и там и тут голод, и там и тут – смерть от рук большевиков» [8. С. 214].

В романе «Солнце мёртвых» изображено поликультурное, многонациональное сообщество Крыма. Особое внимание автора уделено местному населению полуострова – крымским татарам, ко-

которые представлены писателем добрыми и милосердными: голодные дети Глазковых встретили татарских чабанов (пастухов), которые накормили их и дали еды с собой: *Вежливые татары, – говорит старшая девочка. <...> Так они нас жалели! Хлопцы очень хорошие. <...> Если бы замуж взяла... пошла бы!* [6. С. 135–136]. Татары благородны и верны своему слову: один из персонажей принял мученическую смерть ради спасения своих товарищей – русских, татар и чеченцев.

В эпопее «Солнце мёртвых» своеобразно подан крымский пейзаж. Для писателя это не просто экзотический край, но многострадальная и одновременно богоспасаемая земля. Он пишет о Крыме, как человек равнодушный, чувствующий свою кровную причастность к тому, что происходит на этой земле. Крым для писателя – это море и широкие просторы, прекрасные пейзажи.

По мнению исследователей, тоска по прошлому – одна из доминирующих эмоций писателя, отраженная в произведении. Антитеза «прошлое-настоящее» лежит в основе содержания многих глав. Текст насыщен этнографическими деталями быта крымских татар, которые воспринимаются как символы былого [4]: *Прошагает за осликом пожилой татарин, – гонит с вьючком дровишек, угрюмый, рваный, в рыжей овчинной шапке; поцекает на слепую дачу, с вывернутой решеткой, на лошадиные кости у срубленного кипариса: «Це-це-це... ах, шайтаны!..»* [6. С. 101]; *<...> и татары-проводники в рейтузах синей «диагонали», с нафабранными усами, с бедрами Аполлона из Корбека, со стеком за лаковым голенищем, с запахом чеснока и перца* [6. С. 86]; *Татары вина не пьют* [6. С. 124]; *Еще катык ели... а они на своей зурне играли... зурна называется* [6. С. 241]; *Серееет под Демерджи обвал – когда-то татарская деревня* [6. С. 67].

Величественная крымская природа: горы, ущелья, долины, реки, – в лоне которой сформировались коренные народы Крыма, с точки зрения автора, позволяет наиболее полно раскрыть крымско-татарский мир. Природа является безмолвным свидетелем трагедии, которую переживают люди (*А голая стена Куш-Кай – всё та же, всё та же летопись: пишет по ней неведомая рука. Всё вбирает в себя, всё видит* [6. С. 135]).

Текст произведения насыщен словами, называющими крымскотатарские и общетюркские реалии: *кутюк* 'пень, колода'; *катык* 'кислое молоко особого приготовления'; *бекмес* 'уваренный фруктовый сок, патока'; *буздурхан* 'крымский сорт груши с медовыми желтыми плодами'. Каждая из этих номинаций продуцирует широкие фоновые знания о крымскотатарском мире.

Именная парадигма с определением *татарский (татарская земля, татарские кони, татарские постолы, татарская груша, татарский виноградник* и др.) свидетельствует о неразрывной связи Крыма с его коренным народом: *Открыли горы каменные глаза свои, недвижные и пустые... Когда Чатырдаг дышит, все горы кричат – готовься! Татары это давно знают* [6. С. 88].

В заключительной главе эпопеи звучит рефрен: **Чужая** (выделено нами – А. А.) земля, татарская [6. С. 241]. Однако сцена ночного прихода старого татарина к умирающему от голода рассказчику с подарком от старого Гафара – корзиной с едой, сближает два мира – русский и крымскотатарский. В этом эпизоде провозглашается апофеоз единого Бога [8. С. 255]: *У тебя Аллах свой... у нас Аллах мой... Всё – Аллах! Теперь ничего не страшно. Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Из тёмного угла смотрит, из маленьких глаз татарина. Татарин привел Е з о!* [6. С. 212–213]. Таким образом, крымско-татарский и славянский миры объединяются перед трагедией под сенью единого Бога.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что роман-эпопея «Солнце мёртвых» завершает крымский цикл творчества И. Шмелёва. Однако к этому циклу можно отнести и роман «Няня из Москвы», написанный в 1932 г. в Париже. Произведение представляет собой повествование о жизни бесхитростной малограмотной русской женщины-крестьянки, попавшей в бурный водоворот гражданской войны в Крыму и эмиграции. Название романа содержит аллюзию на пушкинскую Арину Родионовну – няню, хранящую традиционный уклад жизни. Хаосу революционных лет в романе противостоит сила созидания и гармонии, воплощением которой является старая няня Дарья Степановна Сеницына. Роман написан в излюбленной И. Шмелёвым форме сказа, повествование ведётся от лица неграмотной старой крестьянки.

В нескольких главах произведения так же, как и в романе-эпопее «Солнце мёртвых», И. Шмелёв изобразил жизнь в охваченном голодом и войной Крыму. Образную систему этих глав условно можно разделить на два мира: русский (православный) – крымскотатарский (мусульманский). Представителями первого являются главная героиня романа – Дарья Сеницына, её хозяйка Екатерина Вышгородская и полковник Василий Ковров – возлюбленный Екатерины. К крымскотатарскому (исламскому) миру относятся местное население Крыма и один из его представителей – Осман. Оппозиция *свои – чужие* в восприятии няни формируется на начальных этапах развития трагических собы-

тий в Крыму. Она дифференцирует людей следующим образом: *мы* (православные) – *они* (татары). *Чужие* – татары – стали «под султана подаваться», *свои* – матросы – защищают православных, не дают их в обиду [5. С. 105].

Осман состоял на службе у полковника Коврова и пользовался доверием дворянской семьи, в которой проживала няня. В смутные времена революции и начала гражданской войны Ковров доверил татарину не только хранение денег и ценных бумаг, но и спасение своей возлюбленной (Осман помогал Екатерине с няней бежать из Крыма).

Осман, в отличие от своих соплеменников, неплохо владел русским языком. Это объясняется его долговременной службой у русских дворян. Достаточно часто используемая Османом фразеологическая единица *слово дал* демонстрирует его верность долгу, что вызывает положительное авторское отношение к нему: *А татарин опять своё: «подводу пригоню, я слово дал!» – и через забор сиганул.* [5. С. 135]; *Полковник Ковров велел! Я ему слово дал!* [5. С. 135]; *Силой вас заберу, приказ мне, головой отвечаю... я слово дал!* [5. С. 135]. В речи Османа встречаются искажённые формы русских слов, а также бранные слова и выражения: *вредный турка, старушка хороший, <...> татарин нож тербит, не дает сказать, кричит: «к тебе человек приходил, турка одет, где он, собака?»* [5. С. 120]; *<...> я тебя найду, черта!; <...> этот сволочь самый вредный, зачем к вам в сады ходит?* [5. С. 136]. В целом в синтаксисе речи персонажа преобладают простые, односоставные предложения, фразы отрывисты: *За офицерами ходили, записаны у красных, плохо вам! Сейчас уезжайте, я слово дал!* [5. С. 134-135].

Являясь воплощением русского православного человека, няня придаёт большое значение вероисповеданию. Такие черты личности Османа, представителя другой веры, как человеколюбие, верность долгу для няни неожиданны. Она уверена: будучи православным, Осман мог быть возведён в сан святых за самоотверженную помощь ей и её Катичке: *<...> а если бы он да Христа-то знал, в святые бы попал. Сколько я того татарина поминала, всегда за него молюсь* [5. С. 138]. Автор в уста няни вкладывает вывод о том, что независимо от вероисповедания люди способны помогать друг другу и делать добро: *Месяцу молится, а верный-то какой. Ведь он в рай попадет, в рай... и спрашивать не будут, какой веры* [5. С. 138]. Это ещё одно доказательство того, что И. Шмелёв следует мысли В. Соловьёва о примирении ислама и православия. Няня разрушает собственные стереотипы по отношению к татарам, сохранившиеся в России со времён татаро-монгольского ига: *Ах, какой верный человек, до месяца дошёл только, а лучше другого православного* [5. С. 143]; *Голову свою за нас клал. Да без него бы, может, и в живых-то нас не было* [5. С. 138]. Няня и её хозяйка оценивают преданность Османа, благодаря которому сумели благополучно выбраться из захваченного большевиками Крыма: *Просвиру, понятно, не вынешь за него, святого имя такого нет, Осман-то, – больше собак так кличут, – а за его здоровье, если жив, ем – поминаю* [5. С. 138].

Если в начале сюжетной линии, связанной с Крымом, крымские татары являются для няни *чужими*, то в эпизодах перед отъездом из Крыма они уже уверенно занимают в её мировосприятии позицию *своих*, о чем свидетельствует использование соответствующей лексики: *А тут татарин **наш*** (здесь и далее выделено нами. – А.А.), *из кустов, кричит старикам: большевик коня убил, нас хотел, а теперь сам падал!* [5. С. 142]; *Татарин **наш** скок в кусты – бац, бац!* [5. С. 139]; *А тут татарин **наш** из кустов...* [5. С. 140]. Катичка называет его *милый Осман* [5. С. 143], благодаря за помощь.

В тексте романа отсутствует лексика, называющая религиозные догматы ислама, хотя на вероисповедании персонажа – крымского татарина делается некоторый акцент. Автор лишь описывает призыв к молитве – *азан*, который традиционно звучит с минарета мусульманской мечети: *И на башенке на белой ихний татарин молитвы свои кричит, звонко так, и петушки поют... – будто и страху нет. Господне дело, страху оно не знает* [5. С. 138]. Упоминается также в речи мусульманский символ – полумесяц со звездой: *Месяцу молится, а верный-то какой* [5. С. 138].

Таким образом, оппозиция *своё – чужое* в романе «Няня из Москвы» «смягчается»: Осман, как представитель мусульманского мира, в начале повествования воспринимаемый няней в качестве *чужого*, в финале занимает позицию *своего*. Такая аксиологическая трансформация образа Османа коррелирует с философско-этическими убеждениями автора, актуализированными в романе-эпопее «Солнце мёртвых».

В произведениях крымского цикла И. Шмелёва Крым не романтизирован, как это было у большинства писателей XIX-начала XX вв. Он воспринят изнутри, через личную трагедию. Потому при общем положительном отношении художника к крымскотатарскому миру в его произведениях открыто декларируется отчужденность от крымской земли: «*Чужая земля, татарская*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богоявленская И.М. «И сохранится огонь в светильнике». Сказка И. Шмелева «Голос зари» // Крымский архив. 1999. № 4. С. 189-191.
2. Наривская В.Д., Степанова А.А. Реанимация крымского текста в романе в письмах И.С. Шмелёва и О.А. Бредиус-Субботиной // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. 2013. № 2. С. 125-133.
3. Наривская В.Д., Степанова А.А. Шмелёв как крымский человек (на материалах переписки Шмелёва с Бредиус-Субботиной) // И. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века: Шмелёвские чтения: сб. науч. тр. XIII международных крымских Шмелёвских чтений. 2006. С. 197-206.
4. Резник О.В. «Солнце мёртвых» И.С. Шмелёва в контексте эмигрантской литературы о гражданской войне // Культура народов Причерноморья. 2005. № 74, Т. 2. С. 167-172.
5. Шмелёв И.С. Няня из Москвы // Собр. соч.: в 12 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. Т. 9. С. 5-243.
6. Шмелёв И.С. Солнце мертвых // С того берега: писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30-х гг. М.: Водолей, 1992. С. 9-247.
7. Щедрина Н.М. Категория трагическое в эпосе И. Шмелёва «Солнце мёртвых» // Вестник крымских литературных чтений. 2006. Вып. 1. С. 85-87.
8. Эмирова А.М. «Солнце мертвых»: крымскотатарская тема в творчестве И.С. Шмелёва // Берега Тавриды. 1995. № 4-5. С. 213-215.

Поступила в редакцию 16.12.15

A. T. Ablaeva

FOREIGN LAND, TATAR: CRIMEAN TATAR WORLD IN THE WORKS OF I.S. SHMELEV

The article reveals the means and the methods of representation of the Crimean Tatar World by I. Shmelev. This world is analyzed in the framework of imagological opposition “own – foreign”. In the works of Ivan Shmelev, Crimea is not romanticized as it was represented by the majority of writers of the 19th and the beginning of the 20th century. Shmelev took it “from within”, through personal tragedy. The nature of the imagination of the writer’s Crimean Tatar World was influenced by his familiarity with the culture and history of the Crimean Tatars, as well as by his Christian world vision and perception of the world with its inherent tolerance to other nations.

Keywords: poetics, artistic worldview, World of the Crimean Tatar, I. Shmelev, imagology, “own – foreign”.

Аблаева Азизе Телятовна, аспирантка
кафедры русской филологии
ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет»
295015, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
Учебный пер., 8
E-mail: azizeablaeva@mail.ru

Ablaeva A. T., postgraduate student
of the Department of Russian Philology
Crimean Engineering and Pedagogical University
Uchebnyy per., 8, Simferopol, Crimea, Russia, 295015
E-mail: azizeablaeva@mail.ru